

Русское лето в Ницце

Еще в Париже мне приходилось слышать о «новых русских», будто бы наводнивших Ниццу и Монако, где они, расплачиваясь чемоданами чистогана, якобы скупают дома и земли, об их ухарских замашках и даже о призванной их обслуживать целой армии специально обученных переводчиков. Слухи эти, интересные по крайней мере с точки зрения изучения порождения мифов, по прибытии в Ниццу на первый взгляд не подтвердились — ничего особенного я не только не увидел, но и не услышал. Пожалуй, только раз, ужиная с коллегами в ресторане, я заметил характерную компанию: мужчины со смазанными физиономиями, как будто вчера из ЦК комсомола, их пышные подруги и разряженные отпрыски с кислыми минами. Я спросил у официанта, часты ли у них подобные посетители.

— Мы их 50 лет ждали, — ответил он уклончиво, думая, конечно, о щедрых чаевых. Он говорил неправду: 50 лет назад русские могли выселиться в Ниццу разве что с эмигрантов, от чего владельцам ресторанов не было бы, что называется, ни прибыли, ни чести.

Между тем, подлинное русское присутствие составили этим летом в Ницце шесть примечательных выставок, открывшихся на рубеже июня и июля в четырех музеях города. Три из них разместились в просторном Музее нового и современного искусства: долгожданная ретроспектива недостаточно оцененного при жизни Павла Мансурова, продолжавшего в эмиграции традиции русского авангарда, и сопутствующая выставка прикладного искусства русских художников-авангардистов, а также выставка русских художников-эмигрантов из коллекции Рене Гера, до этого экспонировавшаяся в Москве и Париже (о ней «РМ» писала в июне). Две другие, представляющие живописное и литературное наследие Марии Башкирцевой, расположились соответственно во дворце княгини Кочубей, ныне Музее изящного искусства, и во дворце Массена — Музее искусства и истории (заметим, что каждая из названных выставок обеспечена исчерпывающим каталогом). Наконец, в Музее прими-

В годы «второй эмиграции» в Америку во время войны Шагал, в эпоху революции написавший панно для Еврейского театра в Москве (экспонирующиеся сейчас на выставке «Русские годы Шагала» в Музее современного искусства в Париже), а в 50-е — плафон Парижской Оперы, создает костюмы и декорации сначала для «Алеко», балета на музыку Чайковского в постановке Леонида Мясина, потом для «Жар-птицы» Стравинского в постановке А.Блома (в 1949 году это же оформление использует для своей хореографии Баланчин). В 1958 году, Шагал создает идилически-волшебную сценографию «Дафниса и Хлои» Равеля в постановке С.Лифаря, годом позже перенесенную на сцену

изысканная маленькая выставка заслуживает всяческого внимания.

Первая персональная выставка Марии Башкирцевой — женщины-мифа, опередившей свое время, устроена спустя более ста лет после ее ранней смерти от туберкулеза (в 26-летнем возрасте) в 1884 году. Выехав за границу двенадцати лет с семьей своей матери, в которой аристократические традиции сочетались с либеральными, а великосветские претензии с авантюризмом, Башкирцева, снедаемая романтическим стремлением к славе, после неудачных попыток выйти замуж и стать певицей сосредоточивает всю энергию своей талантливой природы на двух вещах: на живописи и на литературном дневнике; дневник этот она начала вести в возрасте 15 лет в Ницце, где прожила большую часть своей недолгой жизни. Два десятка холстов, которые она успела написать (собранные главным образом из французских музеев, а также из Русского музея в Петербурге, Художественного музея в Днепропетровске и даже афинской Пинакотеки), обнаруживают прекрасного портретиста и

М.Башкирцева.
Автопортрет с палитрой. 1883 (?).

Парижской Оперы (хореография Г.Скибина). Мне памятно огромное впечатление, которое эта постановка произвела на российских зрителей во время гастролей Парижской Оперы в начале 70-х годов.

Эффектным дополнением к выставке являются 35 подлинных костюмов к балету «Алеко», хранящихся в частной коллекции и реставрированных специально к этому случаю. Облаченными в эти костюмы манекенам, расставленным на неярко освещенной сцене в полутемном зале, приданы позы, воспроизводящие одну из мизансцен балета.

Выставка под необычным названием «По поводу русского искусства примитива» распадается на три раздела, каждый из которых по-своему интересен. Первый раздел включает работы современных художников-примитивистов — как русских парижан (Нина Барка, София Струве, Олег Зингер), так и живущих в России (Юрий Иванов, Ната Коничева и Катя Медведева, чьи холсты высоко оценил Шагал). Второй, составленный несколькими иконами, десятком отборных лубков на темы «короля Гвидона» и «Бовы королевича», деревянными и глиняными игрушками из Вятки и Троице-Сергиева посада, отсылает к истокам примитива в народном искусстве и фольклоре. Те же корни, но применительно к искусству русского авангарда, призван демонстрировать третий, самый интересный раздел выставки. Трудно переоценить влияние народного искусства на творчество таких корифеев, как Кандинский, Малевич, Шагал, Ларионов и Гончарова, — все они представлены работами из центра Помпиду и Женевского «Пти-Пале»; что касается двух последних художников, то, помимо их живописных холстов, на выставке можно найти их открытки на тему русской игрушки и иллюстрации к русским сказкам. Здесь можно также увидеть работы А.Бенуа, многие театральные работы которого тесно связаны с фольклором, С.Шаршуна, испытавшего влияние дадаизма, Б.Григорьева, автора известного цикла «Раса», иллюстрации к детским книгам С.Судейкина, работы С.Чехонина, И.Пуни и нескольких других художников. Тема еврейского быта и фольклора в живописи представлена, помимо Шагала, именами А.Минчина, Манэ-Каца, П.Кремента и Я.Шапира. В целом эта

М.Башкирцева. Студия Жюльен. 1881.

жанрового художника, целиком, однако, принадлежащего к школе французского натурализма и оставшегося в стороне как от современного ей русского искусства, так и от французского импрессионизма. Между тем, более, чем живописи, Башкирцева обязана посмертной славой именно своему дневнику, опять-таки полностью относящемуся к французской литературной традиции. Дневник этот, вы-

держки из которого стали публиковаться в первые же годы после смерти автора, выдержал в дальнейшем множество изданий и во Франции, и в России, где он печатался в переводе с французского. Будучи замечательным «документом эпохи», он прежде всего интересен романтически-идеализированным образом автора с его неограниченными амбициями и стремлением к артистическому совершенству.

Помимо материалов, относящихся к дневнику и истории его публикации, сопутствующая литературная выставка во дворце Массена включает переписку Башкирцевой, в том числе с Гонкурами и Ф.Коппе, а также «эпистолярный флирт» с Мопассаном, книги о Башкирцевой и каталоги выставок, материалы о ее путешествиях и жизни в Ницце, светских связях и влюбленностях и даже памятные предметы, драгоценности и фотографии, до сих пор хранимые потомками семьи художницы.

МИХАИЛ МЕЙЛАХ

Париж

М.Шагал. Эскиз костюма
Ивана-Царевича к балету «Жар-птица».

тивного искусства открылась сравнительно небольшая, но содержательная выставка русского примитива. Если же добавить к этому две международные конференции — набоковскую в конце июня и посвященную Марии Башкирцевой, назначенную на сентябрь, — выставку театрального наследия Шагала, открывшуюся в те же дни в музее «Библийской весты» художника; проходящие на протяжении всего лета гастролы русских музыкантов в разных концертных залах, наконец, постоянно действующую студию в Берле-Альп, куда художники из России приезжают работать на несколько месяцев, то станет очевидно, что в местах, где жили и писали Тютчев и Башкирцева, Бунин и Шагал, Зланевич и Мансуров, русский ренессанс надо искать тоже не за ресторанными столиками.

Составившие шагаловскую выставку 213 балетных и оперных эскизов художника — летящих, воздушных и всегда бесконечно живописных, по сравнению с которыми даже знаменитые театральные эскизы Бакста, его учителя по школе Званцевой, кажутся статичными и условными, интересны для истории русского искусства не только в связи с корнями художника.

К.Медведева.
Протопоп
Аввакум.
1988.

363